Новые Известия – 2004 – 17 сент. – с. 9, 15.

НОЧНОЙ ДОЗОР «СОБЫТИЙ»

Илья Колосов считает, что «25-й час» – самое неподходящее для сна время суток

ВЛАДИМИР МАШАТИН

Александр Орлов

Ведущий ТВЦ Илья Колосов называет свою информационно-аналитическую программу последней из оставшихся на федеральных каналах. И уверен, что критика ошибок власти нужнее для блага государства, нежели телевизионная пропаганда и подхалимаж, заполонившие практически все каналы ТВ.

– Илья, вы много лет проработали на «Радио России». Как произошел переход от радио к телевидению?

– На радио я проработал с 1987 по 2000 год. От радио за все эти годы я устал и однажды просто позвонил Олегу Максимовичу Попцову и прямо спросил: «Есть работа для меня?» Я мог это сделать напрямую, поскольку мы хорошо знали друг друга, много общались, интервью на радио у нас с ним всегда получались мощные, энергичные, конфликтные. И Олег Максимович при встрече прямо спросил: «Что хочешь делать на телевидении?», я ответил: «Хочу делать информационную программу, итоги дня». Он сказал: «Делай!» И через месяц я уже вышел в эфир в качестве ведущего.

– Так вы сразу и стали информационным «полуночником»?

– Был один небольшой зигзаг в телекарьере. Рейтинги у программы были неплохие, и руководство решило поставить меня в прайм-тайм, в девятичасовой вечерний выпуск новостей. Это было ошибкой. В этом выпуске ведущий как под микроскопом у начальства, свободы гораздо меньше, и очень скоро я стал творчески задыхаться. Продержался в прайм-тайме я девять месяцев, потом вернулся «в ночь», в программу «25-й час» и очень доволен этим!

– После закрытия «Свободы слова» на НТВ вашу программу называют чуть ли не единственной оппозиционной на нашем ТВ...

– Сегодня нас уже оценивают как антипрезидентскую программу. Это просто глупость – «25-й час» абсолютно не позиционирует себя как антипрезидентская программа. Мы с годами не меняемся, меняется информационная среда в обществе и на телевидении, поэтому и крепнет впечатление нашей оппозиционности. С другой стороны, вы правы, действительно мы остались единственной оппозиционной программой на российском федеральном канале. На мой взгляд, произошла просто катастрофа с закрытием на НТВ «Намедни» и, разумеется, «Свободы слова». Там все-таки собирались в основном умные люди и позволяли себе говорить умные вещи. После закрытия этих программ мы остались на информационном поле совсем одни. Но при этом у меня есть строгие внутренние тормоза, я сам себе жесткий цензор и не позволяю говорить с экрана многие вещи, о которых следовало бы сказать. Тем не менее положа руку на сердце могу сказать, что не уволен до сих пор, наверное, только потому, что выхожу в эфир глубокой ночью. Аудитория у нас, во-первых, незначительная, а во-вторых, смотрят нас люди, которые своих убеждений и взглядов все равно уже не изменят – будет ли выходить «25-й час» или его закроют. Так что никакая мы не антипрезидентская программа. Я назвал бы «25-й час» программой государственнической.

– В каком смысле? Критика государства – большее благо для него, нежели лизоблюдство и пропаганда «из лучших побуждений»?

– Совершенно верно. То, что сейчас мы видим и слышим на Первом канале, на «России» и уже в какой-то мере на НТВ, – это, как вы совершенно справедливо определили, лизоблюдство и пропаганда чистой воды. Это по-настоящему НЕгосударственный подход. Ни один аналитик с этих каналов...

– ... Разве там осталась аналитика?

– Да нет, конечно, это я по инерции сказал. Ни один телеведущий не позволяет себе сказать ни слова против... По-моему, в стране ничего не изменится, пока президент, например, не пересядет на отечественный автомобиль. Пока авиакомпании России не начнут покупать наши самолеты, а не западные – все останется по-прежнему. Страна должна научиться уважать саму себя. И не бояться критики.

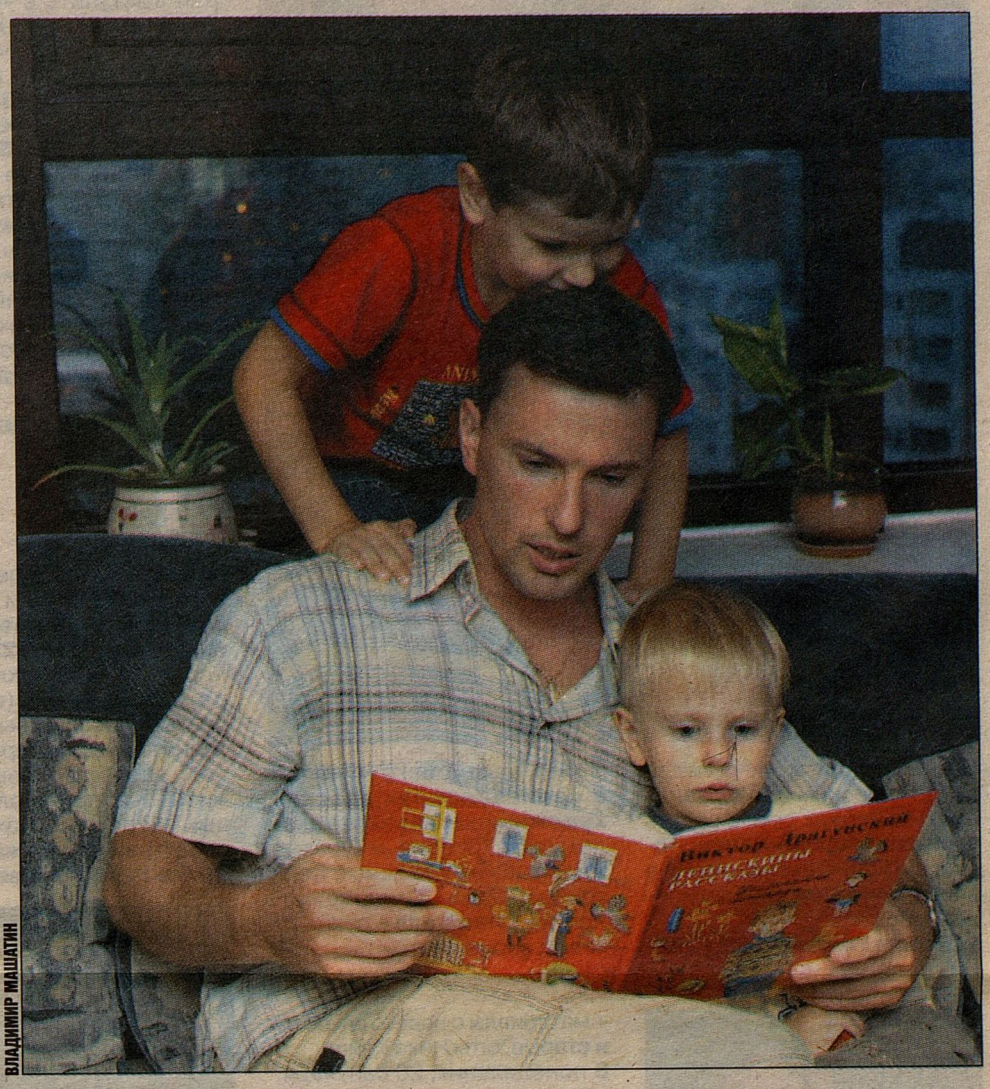
– Но даже недавняя драма в Беслане, похоже, ничего не изменила в этом смысле.

– Первого сентября, в день захвата школы в Беслане, я в программе позволил себе удивиться и задаться вопросом: почему мы в который раз наступаем на одни и те же грабли? И еще: 17 часов прошло с начала событий – нет точных данных ни о числе заложников, ни о числе бандитов. Цифры постоянно меняются – почему опять сплошное вранье? Наворотили ошибок и теперь боятся? Но у нас в стране грань между ошибкой и преступлением пройдена уже очень давно... И второе, я позволил себе вслух спросить: а где же президент? Почему он молчит? Двух французов в Ираке захватили – Ширак выступил тут же со специальным обращением к нации. У нас – ни гу-гу.

Окончание на стр.15

НОЧНОЙ ДОЗОР...

Окончание. Начало на стр. 9



ВЛАДИМИР МАШАТИН

– Я помню эту программу. Какой был резонанс?

– У меня со следующего дня начиналась командировка. Если б не это, если бы остался, вернее всего, меня бы от эфира отстранили.

– Бывает такое, что позовет вас кто-то из руководства канала и скажет: вот по этому вопросу ты уж, Илья, дай помягче комментарий?

– Бывает. Меня может вызвать начальник, назовем его Икс, и объяснить ситуацию: что за такими-то комментариями может последовать то-то, то-то и то-то. И у меня выбор по большому счету один: готов ли я за то, что считаю нужным сказать в эфире, положить на стол заявление об уходе? Сегодня в таком положении находятся многие журналисты, да и сами начальники. Они тоже люди подневольные. У них тоже есть начальники. Но скажу совершенно ответственно: на ТВЦ ни один начальник НЕ редактирует то, что я написал для программы. Более того: никто даже не читает написанное. Впрочем, прочесть могут, но никогда не скажут – это убрать, вот это смягчить, а вот это сказать короче. После эфира, да, мне могут вставить и вставляют иногда такого «фитиля»!.. Думаю, что ТВЦ и, может быть, еще Рен-ТВ – два последних канала, на которых нет предварительной цензуры. Эту свободу я ценю больше всего.

– Мнение ведущего и авторов программы может не совпадать с политикой канала? Например, по отношению к деятельности московских властей?

– Про московскую власть часто говорят, что она слишком забюрократизирована, слишком много себе позволяют чиновники... Возможно. И как бы там ни было, я свое мнение о положении дел в Москве высказываю часто достаточно определенно. Только не делаю этого в лоб, а как-то стараюсь более интеллигентно, мягко сказать о «проколах». Много ведь есть приемов указать людям на недостатки не впрямую, но достаточно жестко, богат русский язык на всякого рода аллегории. Зрители, которые смотрят меня постоянно, всегда прекрасно понимают, что именно я хотел сказать.

– И мэра можете покритиковать?

– Меня часто об этом спрашивают. И я отвечаю: да, могу покритиковать и мэра. Но имеет ли смысл «ловить блох» на фоне того, что реально делает мэр для Москвы? Как ни относись к Юрию Лужкову, но он способен приехать через полчаса на место ЧП, как, скажем, это было после взрыва на «Рижской», и тут же начать работать. Он никогда не скрывает информацию, какой бы ужасной она ни была.

– Чему вы отдаете свободное время, когда оно появляется?

– Люблю иной раз в бильярд поиграть или в настольный теннис. При этом можно замечательно отключить голову от повседневной текучки! Сейчас вот переехал в новую квартиру, там совсем рядом спортивный зал, хожу заниматься. Потом – в сауну, и выходишь другим человеком! Но львиную долю свободного времени отдаю, конечно, семье – жене Ане и двум сынишкам. Ведь на рабочей неделе я их практически не вижу: прихожу после эфира в два ночи, ухожу к двенадцати следующего дня. Так что в свободный день «Лего» с ними пособирать, во двор выйти мяч попинать – это такая радость! Когда совсем грустно становится, расчехляю гитару.

– И что же у вас в репертуаре?

– Песни юности – Гребенщиков, Шевчук.

– Своих сочинений нет?

– Музыки много, но вот поэтики – никакой.

– Есть люди, которых нужно пригласить на разговор в студию, но они лично вам неприятны? Вы таких все равно зовете?

– Конечно, есть такие люди. Неприятные. И на разговор их приглашаю. Но ведь именно с такими неприятными людьми и происходят самые интересные разговоры!

– Почему?

– Потому что мы думаем по-разному. Потому что идет интеллектуальная схватка, конфликт, получается зрелище. А если я приглашаю человека, приятного во всех отношениях, зритель рискует уснуть после двух минут разговора с ним. Поэтому, если на передачу идет человек, с которым я заранее согласен, стараюсь пригласить ему настоящего оппонента. Чтобы они сцепились в споре, иначе программа просто не получится.

– Что-то у вас все критика, схватки да конфликты. А что-нибудь менее серьезное случается? Курьезы, например?

– Самым ярким был курьез, который весьма существенным образом повлиял на мою дальнейшую работу в эфире. Однажды перед самым эфиром я забыл надеть... пиджак! Запарка какая-то была, и вышел я в эфир в одной рубашке с галстуком. Ну, думаю, и «вставит» мне начальство после эфира! И точно, звонит Олег Максимович Попцов. Я мысленно поджался, а он по поводу моего внешнего вида сказал: «Неплохо!». Так я и остался в рубашке с галстуком.

– Пиджак-то в итоге нашелся?

– Да, он в помещении двумя этажами ниже был, висел себе спокойно на спинке стула, где я его оставил. С тех пор так и пошло. Даже когда Алексея Пушкова я замещал два месяца в итоговой еженедельной программе, в студии сидел в своем «фирменном» виде: рубашка и галстук.

– Кстати, с этим замещением много было разговоров. О том, что Пушков, мол, чуть ли на НТВ уходит, Колосов теперь еженедельную аналитическую программу делать будет...

– Ну просто человек в отпуске был! Даже на нашем канале ходили слухи об этом, пока я в конце концов не сказал: «Хватит! Вы что, меня с Алексеем поссорить хотите?».

– Еженедельная программа – совсем другой формат. В принципе вам этот формат понравился или нет? Не захотелось сменить амплуа?

– Два месяца мы с бригадой из пяти человек делали тележурнал о событиях недели, и это не была аналитика в полном смысле слова. Новый формат делать было интересно, но к концу второго месяца, признаться, это наскучило, и в «25-й час» с его нервом и драйвом мы вернулись с удовольствием.

– На ТЭФИ вас, кажется, выдвигали неоднократно...

– Да, трижды подряд – и все мимо. В этом году Стаса Кучера выдвинули, может быть, ему больше повезет, дай бог. Конечно, на других каналах деньги другие, производство мощнее, продукт ярче, нам с ними тяжело конкурировать. Проводя параллели с футболом, можно сказать: закуплены игроки иного уровня, потому команда и выигрывает.

– По роду служебной деятельности вы много общаетесь с политиками. А, скажем, на пикник или в баню они вас не приглашали? Чтобы в неформальной обстановке, может быть, попросить: «Илюша, зови нас почаще в эфир»...

– Нет, не приглашали. Может быть, если бы я работал на крупном федеральном канале, тогда и были бы такие предложения?

– Вашей программе уже четыре года. Чего не хватает «25-му часу» сегодня?

– Постоянного времени в эфире. Вот проблема! Нас постоянно двигают по ночной сетке – то на десять минут вперед, потом вдруг – на двадцать минут назад. Я всем говорю: вы гробите этим программу! Ну посмотрите, как было с ночными новостями НТВ, когда их делал Владимир Кара-Мурза. Там была та же самая «ползучая история», и программа едва не погибла из-за низкого рейтинга. Зритель, он постоянство любит. К сожалению, нет сегодня человека, который бы заступился за «25-й час» решительно и жестко.

– Вы что же, в некотором смысле беспризорники на ТВЦ?

– Вроде того. Хотя именно это обстоятельство и позволяет нам часто говорить больше, чем другим...

СПРАВКА

Илья КОЛОСОВ родился 5 сентября 1970 года. Окончил Санкт-Петербургский институт кино и телевидения по специальности звукорежиссер. Работал звукорежиссером на Всемирной Русской службе, был ведущим на «Открытом Радио», на радиостанции «Голос России» был главным сменным редактором, политическим обозревателем и ведущим ежедневной программы «В наших интересах». С 2000 года – ведущий ночной информационной программы «25-й час» на канале ТВЦ.